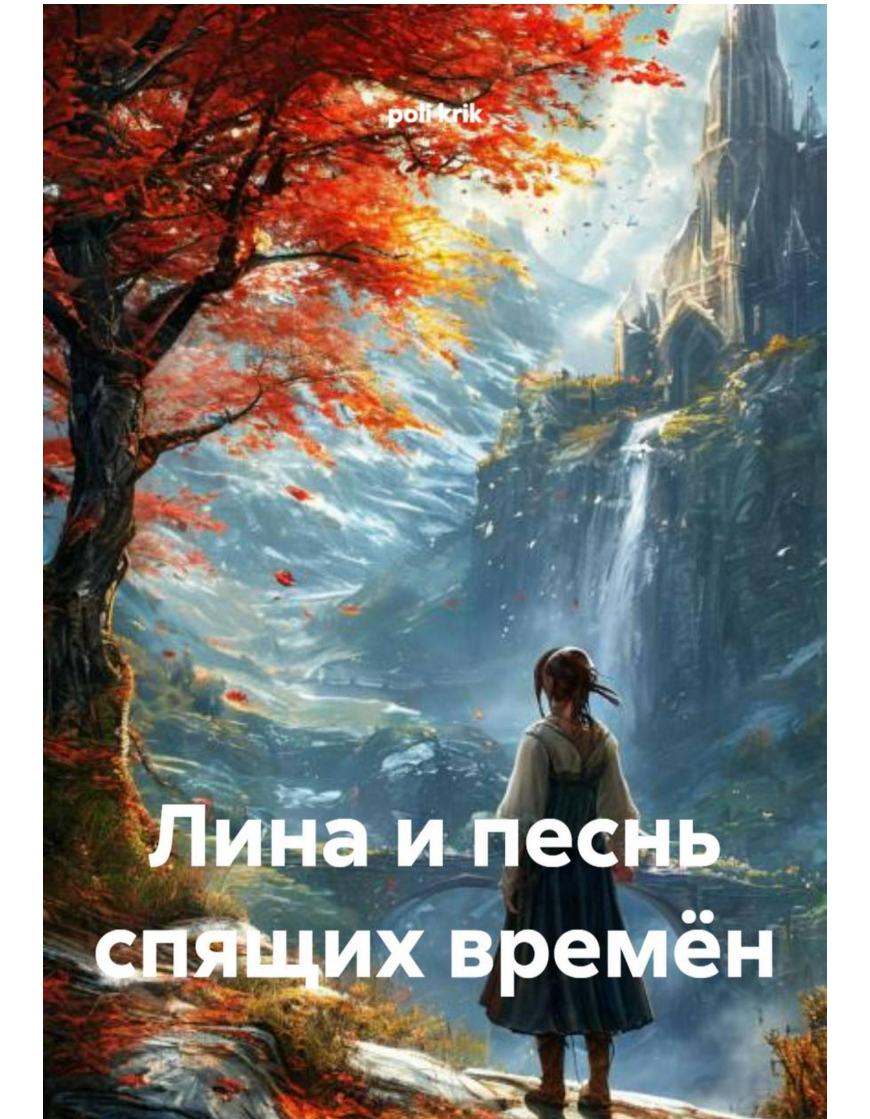

polikrik

Лина и песнь спящих времён

poli krik

Лина и песнь спящих времён

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73175228

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман-легенда о девушке, чья любовь и потеря стали фундаментом мира. О жертве, которая превращается в вечный свет. И о том, что самое сильное волшебство рождается не из силы, а из тихой непобедимой памяти и готовности стать частью того, что защищаешь.

Содержание

Пролог. Гавань Вечного Прилива	4
Глава первая. Нота, на которой держится мир	7
Глава вторая. Молчание, которое ждёт ответа	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

poli krik

Лина и песнь спящих времён

Пролог. Гавань Вечного Прилива

Бывают на свете места-заплатки. Где ткань реальности истончилась, и сквозь неё просачивается вечность. Таким местом была Гавань, город на краю карты, замороженный в стык сурового материка и моря, чьё имя произносили шёпотом – Ледовитое Дыханье. Его не строили по плану. Он вырос, как коралловая колония вокруг трёх бухт, названия которых знала лишь старая портовая побасенка: Бухта Первого Льда, Бухта Рождающихся Туманов и Тихая Гавань, которая никогда не была тихой.

Здесь год делился не на четыре сезона, а на два состояния: Белое Ведение – шесть месяцев, когда солнце было бледным призраком за снежной пеленой, и Серое Дыханье – короткий период слякоти, туманов и тоскливого звона капли с крыш. Между ними ютились считанные дни хрупкой, обманчивой зелени и ослепительно-багряных красок умирающей листвы. Время здесь текло не линией, а водоворотом, как шуга в устье ледяной реки.

В таком городе, в самом высоком его доме, чьи окна смотрели не на улицы, а на далёкую, похожую на разбитое блюдо вершину Спящей Сопки, жила девушка, в чьих жилах вместо крови текла отражённая звёздная пыль. Её звали Лина.

Ей было семнадцать, но в глубине её глаз, меняющих цвет от тёплого ореха до пронзительного морозно-зелёного, пряталась древность. Она была стройна и сильна, как молодое железное дерево, растущее на камнях. Её волосы – чёрные с серебристыми прядями, будто в них запутались лунные лучи. Но истинная её природа раскрывалась в тишине. Лина была Ловцом Сияний.

Она не колдовала в привычном смысле. Она находила общий язык со светом. Видела, как утренний луч скупает по ночи, как свет фонаря тоскует по солнцу. Её пальцы могли собрать рассыпанный по инею холодный блеск и сплести из него невесомые, поющие на ветру кружева. Она умела уговорить туман расступиться, чтобы один-единственный столб янтарного заката упал на мокрые камни набережной. Мир для неё был не тихим, а наполненным тихими, светящимися голосами, которых больше никто не слышал.

Её маленькое царство охраняли двое. Марьема – кошка с шерстью, словно сшитой из лоскутов трёх сезонов: белого снега, рыжего осеннего листа и чёрной полярной ночи. На её спине узор из более тёмной шерсти складывался в идеальный крест, который в минуты покоя казался лишь странной отметиной, а в час опасности излучал мягкий, якорный свет

домашнего очага. Её глаза, цвета весенней хвои, видели не форму, а суть вещей.

Её брат, Шумило, был её противоположностью. Кот цвета грозовой тучи и потухшего угля, с янтарными глазами-факелами. Его душа была соткана из непоседливого ветра и громкого недовольства мирозданием. Его знаменитый Требующий Рёв, способный пробить даже глухую стену равнодушия, был легендой Гавани. Он орал не просто так. Он взывал к справедливости, требуя внимания, еды и признания своей невероятной значимости.

Их дни текли в тихом ритме: книги, в которых Лина искала отголоски своей природы, её световые этюды, философское молчание Марьемы и оглушительные монологи Шумило. Лина не чувствовала себя одинокой. Её мир был полон. До той поры, пока в него не вступил Слухач.

Глава первая. Нота, на которой держится мир

Его заметили в порту в самый разгар сезона бескормицы – так называли здесь короткую, грязную весну, когда старый снег таял, обнажая чёрную землю, а новый ещё не лёг. Он пришёл на стареньком почтовом судне и выделялся не ростом (он был высоким, но не великаном) и не одеждой (простая, прочная ткань цвета камня), а тишиной, что исходила от него, как тепло от печи.

Через пару дней в Гавани поползли слухи. Часы в ратуше, отстающие на двадцать минут с момента её постройки, вдруг затикали в унисон с морской сейсмостанцией. Расстроенный рояль в Зимнем саду после его визита зазвучал так, что у старого капельмейстера выступили слёзы на глазах. А метеорологи зафиксировали, что их приборы, обычно передающие хаотичные данные из-за магнитных бурь, вдруг начали выдавать идеально чистые синусоиды.

Его искали, чтобы поблагодарить или спросить. Искала и Лина, потому что в ночь после его таинственной работы её световые узоры стали не просто красивыми – они зазвучали. Еле уловимым, внутренним звоном, которого раньше не было.

Она нашла его на дальнем пирсе, где волны бились о сваи,

покрытые бородами ракушками. Он сидел, свесив ноги над водой, и смотрел в свинцовую даль. В руках он держал не то палочку, не то маленький молоточек из тёмного, отполированного материала.

– Вы всё сломали, – сказала Лина, подходя ближе. Её голос прозвучал резче, чем она хотела.

Он обернулся. Лицо его было не молодым и не старым, а вневременным, с сетью мелких морщин у глаз – от ветра, а не от лет. Глаза... они были цвета моря в час перед штормом, серо-зелёные, и в них было странное внимание, будто он слушал не её, а эхо её слов.

– Сломал? – переспросил он. Голос был низким, бархатным, и в нём чувствовалась сила, прирученная до полного спокойствия. – Напротив. Я настроил. Здесь всё... фальшивило. Часы пели вразнобой с приливами. Железо ворчало не в такт с земной дрожью. Это как оркестр, где каждый музыкант играет свою партию, не слыша других. Рано или поздно такой оркестр разорвёт сам себя изнутри.

Лина замерла. Он говорил не о механизмах. Он говорил о ткани места.

– Кто вы? – спросила она тише.

– Меня зовут Свен. А по ремеслу я – Слухач. Ищу фальшь в мироздании и исправляю её. – Он повернул к ней тот самый тёмный предмет. – Это резонатор. Вырезан из сердца горы, что помнит первый гром. Он находит диссонанс и... предлагает ему верную ноту.

– А я... я вижу свет, – неожиданно для себя призналась Лина. – И иногда разговариваю с ним.

Свен пристально посмотрел на неё. Взгляд его стал острым, оценивающим.

– Покажите.

Она смутилась, но подняла руку. Поймала последний луч уходящего солнца, пробившийся сквозь облака, и, сосредоточив волю, вытянула из него тонкую, золотистую нить. Она дрожала в воздухе, как струна.

Свен не выразил удивления. Он кивнул, как учёный, подтвердивший гипотезу.

– Светонос. Редчайший дар. Вы не просто видите свет. Вы видите его качество, его чистоту. А я слышу его звучание. Ваша нить... она поёт на частоте летнего полдня. Но с обертоном грусти. Вы скучаете по теплу, которого здесь почти не бывает.

От его слов у неё ёкнуло сердце. Он не просто видел магию. Он понимал её глубже, чем она сама.

– А вы... вы слышите это прямо сейчас? – с любопытством спросила она.

– Всегда. Мир для меня – это грандиозная, никогда не смолкающая симфония. Гул тектонических плит – басовая партия. Шёпот корней под землёй – струнные. Вой ветра в ущельях – духовые. А фальшь... фальшь похожа на скрип ржавой петли посреди концертного зала. Её нельзя не заметить. И нельзя оставить без внимания.

С этого дня они стали встречаться. Их свидания были странными для обывателей. Они подолгу стояли у Чёрного Водопада – места, где подземные ключи били прямо из скалы, замерзая снаружи в причудливые ледяные гробы, а внутри продолжали течь с тихим, булькающим напевом.

– Слушай, – говорил Свен, прикладывая её ладонь к ледяной стене. – Слышишь пульс? Это земля дышит. Этот ритм – основа всего. Если он собьётся, начнутся обвалы, сдвиги, рождение новых трещин.

Он учил её не магии, а вниманию. Учил различать в какофонии мира отдельные голоса. Однажды ночью, во время особенно яркого северного сияния, они забрались на Спящую Сопку. Небеса полыхали зелёными и лиловыми сполохами.

– Это не просто свет, – сказал Свен, глядя вверх. Его лицо было озарено мерцающим заревом. – Это плач. Плач магнитного поля планеты, раненого солнечным ветром. Красивый, смертельный плач.

– А вы можете... настроить и это? – спросила Лина, замороженная.

– Нет. Есть вещи мощнее Слухачей и Светоносов. Наша задача – не управлять океаном, а следить, чтобы не прохудилась лодка, в которой мы все плывём.

Он играл на старинной, потрёпанной временем ганзе – местном струнном инструменте, чей корпус был выдолблен из цельного кедрового наплыва. И пел. Его голос сливался

со звуком ганзы в нечто неразделимое, пронзительное и до мурашек родное этому суровому краю.

*«Эх, Гавань-судьба, под парчою снегов,
Три бухты – три вдовы, три вечных покова.
Одна – серебром ледяного стенанья,
Другая – тумана глухое дыханье,
А третья... а третья молчит, словно нем,
Лишь эхо бывшего стучится во всём.
Пришёл я не званный, пришёл я не в гости,
Чтоб выправить гул поднебесной погости.
Чтоб струны земли, что фальшивят в метели,
В лад с пением выюг и прибоя взгремели.
А встретил я очи – два зелёных огня,
Что вяжут из света покровы для дня.
И стали мы нитью и звонким смычком,
Где бездна граничит с последним листком**.
Где каждый аккорд – это трещина в льдине,
Где в сердце – и буря, и тишь в половине.
Но знает ли свет, что глядит из темноты,
Что будут последними эти ноты?
Что в бой я уйду за порог тишины,
Чтоб вырвать из пасти безвременной тьмы
Тот самый напев, что меж нами родился,
Что в сердце твоём, словно в капельке, длился.
И стану не эхом, а вечной струной,
Натянутой меж твоей вечностью и мной...»*

В её квартире, где теперь пахло ещё и древесной смолой и морской солью с его одежды, воцарилось хрупкое равновесие. Шумило, после тщательного обнюхивания и получения щедрой дани в виде вяленой океанской рыбыны, даровал Свену право тискать себя за ухом. Марьема же удостоила его чести сидеть рядом на подоконнике, созерцая улицу вместе, – знак высшего доверия.

Любовь пришла не как пожар, а как медленное оттаивание. Это было узнавание в другом недостающей части себя. Его спокойная, непоколебимая уверенность стала опорой для её порывистой, чувствительной натуры. А её способность видеть красоту в мгновенном луче света смягчала его вечную погружённость в гулкие глубины бытия. В его объятиях она впервые почувствовала не просто тепло, а резонанс – когда их сердца, казалось, бились в идеальном, не слышном уху унисоне, поэтому, когда однажды вечером, глядя на то, как она пытается сплести светящуюся паутину для Шумило (кот с важным видом наблюдал за процессом), Свен сказал следующее, мир для неё не просто накренился – он замер в предчувствии беды.

– Мне нужно уйти, Лина.

Она уронила светящуюся нить. Та рассыпалась на полу звёздной пылью.

– Уйти? Куда? Твоя работа здесь закончена?

– Нет. Она только начинается. – Он подошёл к окну, его силуэт чётко вырисовывался на фоне ранних сумерек. –

Фальшь, которую я здесь исправлял... она не местная. Она – эхо. Эхо чего-то гораздо большего. Источник находится далеко на востоке, в месте, которое в старых свитках называют Сплетением Сезонов. Там, где времена года не сменяют друг друга, а сходятся в вечном споре. Там что-то сломалось. И эта поломка, как трещина в колоколе, искажает звук по всему миру. Сюда доносятся лишь отголоски.

– И ты один пойдёшь туда? – голос её дрогнул.

– Это моё ремесло. Моя обязанность. – Он обернулся, и в его глазах она увидела не страх, а ту самую непоколебимую уверенность, смешанную теперь с глубокой грустью. – Я должен попытаться настроить саму тишину между тактами времён года. Иначе диссонанс будет нарастать. Часы остановятся. Приливы замолкнут. Свет... твой свет, Лина, станет плоским и беззвучным.

– А если не получится? – прошептала она.

– Тогда я стану частью той самой фальши, которую пытался исправить, – тихо ответил он. – Но я должен попробовать. Ради этого места. Ради тебя.

Он ушёл на рассвете, в тот самый день, когда ночь и день сравниваются в своём праве на мир, – в день осеннего равенства. На прощание он снял с шеи тонкий кожаный шнурок, на котором висел тот самый тёмный резонатор.

– Он настроен на частоту моего слуха. И... на отзвук твоего света. Пока я жив и борюсь, он будет откликаться на твоё прикосновение лёгкой вибрацией. Если вибрация сменится

ровным, глухим гулом... ты поймёшь.

Он поцеловал её – долго, бережно, будто пытаясь запечатлеть форму её губ в своей памяти. Потом повернулся и зашагал по дороге, ведущей от Гавани вглубь бескрайней, молчаливой тундры. Вскоре его поглотила утренняя мгла.

Глава вторая. Молчание, которое ждёт ответа

Сначала резонатор отвечал. Лёгкое, едва уловимое дрожание, похожее на далёкий гул. Лина носила его на шее, под одеждой, и это ощущение было её тайной связью с ним, нитью Ариадны в кромешной тьме неизвестности.

Но с наступлением Белого Бдения вибрация стала меняться. Она то учащалась, становясь нервной, тревожной, то замедлялась на долгие часы. А однажды, в ночь, когда ветер выл так, будто оплакивал кого-то, резонатор на её груди вздрогнул, издал короткий, чистый, пронзительный звук — и замолк. Навсегда.

В эту же ночь случилось Немыслимое.

Над Гаванью вошло не одно, а три солнца. Они висели в небесах, образуя равнобедренный треугольник. Их свет был не тёплым, не живым. Он был клинически чистым, белым, вытравливающим все тени, все полутона. Он не освещал — он обнажал, делая мир похожим на стерильный чертёж.

Начался Великий Разлад Порядка.

В Бухте Первого Льда вода вскипела и тут же замёрзла, образовав поля причудливых стеклянных шипов. В Бухте Рождающихся Туманов повисла мёртвая, неподвижная дымка, в которой застыли, как мухи в янтаре, кричащие чайки. В

Тихой Гавани поднялась такая волна, что сорвало с якорей несколько судов, но шума при этом не было – лишь злое, бесшумное движение массы воды.

Самое ужасное происходило со временем. Утром мог выпасть густой снег, к полудню растаять, давая ростки подснежникам, которые к вечеру покрывались инеем. Люди теряли счёт дням, чувствуя, как расползается сама ткань их воспоминаний.

Марьема подошла к Лине и уставилась на неё. В её зелёных глазах не было утешения. Там горел холодный, ясный приговор и приказ.

«Он проиграл. Его тишину поглотило. Теперь оно идёт сюда, за твоим светом. Иди и встретить его. Не ради мести. Ради завершения того, что он начал».

Шумило не орал. Он издавал низкое, непрерывное рычание, шерсть на его спине стояла дыбом. Он был готов.

Лина поняла. То, что поглотило Свена, не просто убило его. Оно усвоило его дар. Его умение слышать фальшь. И теперь, используя этот слух, оно искало диссонансы по всему миру, чтобы... чтобы что? Уничтожить их? Нет. Чтобы заменить их своей идеальной, мёртвой тишиной.

Она собрала небольшой мешок, надела самую тёплую одежду. У выхода её ждали двое: кошка с крестом, светящимся теперь ровным, уверенным светом, и кот, в чьих глазах горела решимость сотрясти мир своим голосом.

Путь к Сплетению Сезонов был путешествием по внут-

ренностям умирающего гиганта. Они шли через лес, где на одной ветке соседствовали почки, спелые ягоды и сухие, осенние листья. Пересекали реки, где вода, лёд и пар существовали одновременно. Воздух был густым и сладковато-приторным, он давил на уши, вызывая головокружение.

Само Сплетение открылось им как гигантская, многоярусная амфитеатр из времени. Внизу, в чаше, бушевала весна – но цветы были чёрно-белыми и не пахли ничем. На средних ярусах стояла осенняя позолота, но листья не шелестели, а висели неподвижно, как из жести. Выше лежал снег, холодный и безмолвный. А над всем этим, в самом центре, парило Оно.

Хорнунг – Пожиратель Камертонов. Так имя пришло ей в голову. Это не было существом в привычном смысле. Это была материализованная фальшь, сгусток абсолютного диссонанса, принявший форму вращающейся, мерцающей бледным светом сферы. От неё тянулись не щупальца, а звуковые дорожки, нити чистого, безжизненного звука, которые впивались в каждый ярус, в каждый сезон, высасывая из него уникальную тональность, его «песню». А внутри сферы, как ядро, пульсировало несколько тёмных сгустков. Один из них... был знакомым. От него исходило слабое, искажённое эхо того самого голоса.

– Светонос... – голос раздался не в ушах, а в костях, в зубах. Это был не звук, а вибрация пустоты. – Ты принесла последний инструмент. Его слух. Он уже здесь. Он служит ве-

ликой Гармонии Небытия. Отдай свой свет. Пусть его краски растворятся в безупречной белизне. Забудь синеву льда. Забудь зелень мха. Забудь звук его смеха. В вечном Унисоне нет боли воспоминаний.

Слова Хорнунга не искушали. Они констатировали факт, как диагноз. Они будили в Лине ту самую пустоту, что образовалась после молчания резонатора. Она почувствовала, как её воля, само её сияние начинают тускнеть, тяготеть к этой холодной, совершенной сфере. К нему. К Свену, чей дар теперь работал против всего живого.

И тогда случилось нечто. Марьема заговорила. Не ртом – вся её сущность, свет креста на её спине, пронзила сознание Лины ясным, твёрдым посланием, похожим на удар колокола:

«ОН НЕ СДАЛСЯ. ОН ЗАСТРЯЛ. ЕГО СЛУХ СЛИШКОМ ЧИСТ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ЭТУ ФАЛЬШЬ ПОЛНОСТЬЮ. ОН БОРЕТСЯ ИЗНУТРИ. ТЫ СЛЫШИШЬ? НЕ ЕГО ГОЛОС. СЛУШАЙ РАЗРЫВЫ В ЭТОМ ГУЛЕ! ЭТО ОН! ТЫ ЕГО КАМЕРТОН ТЕПЕРЬ! НАЙДИ ЕГО ИСТИННУЮ НОТУ И ДАЙ ЕЙ ЗАЗВУЧАТЬ!»

Это был не призыв. Это было откровение. Лина закрыла глаза, отбросив давящий гул Хорнунга. Она погрузилась в себя, в ту тихую часть души, где хранилось эхо Сенова голоса, его песен, его уроков. И она начала слушать не ушами, а тем местом, где рождался её свет. Искала не звук, а противоречие, разрыв в монотонном гуле Пожирателя.

И нашла. Слабый, отчаянный, но невероятно стойкий ритм. Не песню. А сигнал. Ровный, как метроном, стук. Это был не голос Свена. Это было его сердцебиение, которое он, даже пленённый, не отдал на растерзание фальши. Он запер его в самой глубине себя и стучал им, как молотком по тюремной стене. Тук. Тук. Тук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.